

возвышенные идеалы с реальностью. В основе его новой позиции — «сознание власти действительности... и вместе с тем несогласие с ней, отрицание ее» [11, с. 94]. Романтизм позднего Лермонтова в значительной мере утрачивает свой активно-протестующий характер, лишается прежнего волевого напора и агрессии по отношению к миру, он все больше становится оборонительным, даже «страдательным». Речь идет уже не о героическом «торжестве или гибели» мятежника-индивидуалиста, а о неизбежности его поражения перед лицом враждебной действительности.

Первостепенное значение для Лермонтова приобретают надличностные духовно-нравственные ценности — такие, как жажда единения с людьми, любовь к родине и народу («Бородино», «Родина», «Песня про... купца Калашникова»). Трагический духовный мир «лермонтовского человека» поверяется и корректируется теперь внутренним миром человека простого, обыкновенного [см. 7, с. 63]. При этом люди из народа нередко наделяются чертами, близкими основному герою Лермонтова: суровой сдержанностью, мужеством, волей, ясным сознанием долга, способностью сильно и глубоко страдать («Сосед», «Завещание», «Валерик»). Соответственно трагедия героя-избранника утрачивает ореол исключительности и все более осмысливается как типичная судьба личности «в стране рабов, стране господ». Все это приводит поэта к необходимости зорко вглядываться в жизнь, в характеры людей, постигать законы действительности. Оставаясь во многом романтическим, творчество Лермонтова явно эволюционирует в сторону реализма.

Нельзя, однако, не согласиться с И. Б. Роднянской, что «перспектива поэтического развития Лермонтова неоднозначна и вряд ли сводится к «отречению» от романтизма» [12, с. 113]. Действительно, для зрелого Лермонтова характерно ощущение непреодолимой преграды, непреходимого рубежа между героем-избранником и обычными людьми, трагическое переживание роковой отъединенности от общей жизни. Не только борьба с миром или гордое противостояние ему оказывается губительным для «лермонтовского человека», но и всякая форма сближения, соприкосновения, контакта с ним, будь то попытка Демона «с небом примириться» или же бегство Мцыри в родной аул. В лирике Лермонтова — в «Смерти Поэта» и «Трех пальмах», в «Листке» и «Утесе», в «Морской царевне» и «Пророке» — эта тема звучит особенно безнадежно и трагично². Человек как будто обречен жить в заранее предначертанной ему сфере, и любая попытка выйти за ее пределы оказывается губительной как для него самого, так и для обитателей другого мира [см. 13, с. 82—83].

В связи с происшедшими изменениями напряженность и острота конфликта между «земным» и «небесным» заметно смягчается, а сама эта антитеза в значительной мере уходит в подтекст, получает символическое, скрытое выражение. В то же время противостояние обоих начал, их непримиримость сохраняет свою актуальность и в зрелом лермонтовском творчестве, во многом определяя характер его эволюции, особенно художественного метода и стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лермонтов М. Ю. Сочинения в шести томах. М.— Л., 1954—1957.
2. Сакулин П. Н. Земля и небо в поэзии Лермонтова.— В кн.: Венок М. Ю. Лермонтову. Юбилейный сборник. М.— Пг., 1914.
3. Асмус В. Ф. Круг идей Лермонтова.— В кн.: Асмус В. Ф. Вопросы теории и истории эстетики. М., 1968.
4. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976.
5. Ломинадзе С. В. На фоне гармонии (Лермонтов).— В кн.: Типология стилевого развития нового времени. М., 1976.

² Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность Л. М. Щемелевой, поделившейся со мной по этому поводу своими наблюдениями и соображениями.